

Старостенко В. В. (г. Могилев, Беларусь)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ НАЧАЛА XX в. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В конце XIX – начале XX вв. в общественном сознании и политической элите Российской империи зреет осознание необходимости модернизировать действующее религиозное законодательство. Более либеральная политика стала проводиться государством в отношении старообрядцев, штундо-баптизма и родственных ему направлений. Устранение «стеснений» «инославных» и «иноверных» исповеданий предусматривалось в Указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (12 декабря 1904) [2, с. 141-142]. Юридически возможной и ненаказуемой была признана смена православного вероисповедания при переходе в другие христианские конфессии по Указу «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905). В нем также облегчались условия культовой деятельности для «терпимых» религий [2, с. 142-144]. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905) объявлял о «даровании населению незыблемых

основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [2, с. 147]. Спустя год Указ императора Сенату предусматривал упрощение деятельности старообрядческих общин и свободное исповедание веры «сектантам, отпавшим от православия», включая сооружение молитвенных домов и устройство общин [2, с. 151-154].

Тема реформы вероисповедного законодательства России активно дебатировалась в Государственной думе. Особого внимания заслуживает инициированный партией кадетов в 1906 г. законопроект «О свободе совести», который предусматривал равенство вероисповеданий и право граждан на невероисповедное состояние [5]. Основывался законопроект кадетов на партийной программе, принятой 12-18 октября 1905 г. Та в разделе «Основные права граждан» декларировала равенство российских граждан перед законом «без различия пола, вероисповедания и национальности» и объявляла, что каждому гражданину обеспечивается «свобода совести и вероисповедания», не допускаются преследования за «верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения» [1, с. 41].

Тема свободы совести находила отражение и в программных документах многих других политических партий и движений России, в том числе действующих на территории белорусских губерний. Значительная часть программ была обнародована в связи с предстоящими в 1906 г. выборами в Государственную Думу.

Так, свободу вероисповеданий как часть «незыблемых основ гражданской свободы» рассматривал «Союз 17 октября» [2, с. 166-167]. «Равенство перед закономъ всѣхъ російскихъ гражданъ, безъ различія пола, вѣроисповѣданія, рассы и національности» провозглашала программа Демократического Союза Конституционалистов [2, с. 169-170]. Подобные или схожие по духу установки содержали программы Умеренно-прогрессивной партии, Прогрессивно-экономической партии, Всероссийского торгово-промышленного союза, Партии Правового Порядка, Республиканской Либеральной Партии. Правомонархическую православно-консервативную позицию занимали, в частности, Отечественный союз и Русское собрание. По мнению Отечественного союза, «православная церковь должна и впредь оставаться господствующею въ русскомъ государствѣ, пользуясь не только надлежащею независимостью, но и особыми преимуществами и почитаніемъ» [2, с. 173]. «За Вѣру, Царя и Отечество. Православной вѣрѣ – господство, каждой вѣрѣ – почитаніе», – открывалась программа Русского собрания, согласно которой «Православная Церковь должна сохранить в Россіи господствующее положеніе» [2, с. 174].

В наибольшей мере осознание значимости свободы совести, сопряженное с намерением наиболее последовательного разрешения «церковного вопроса» проявляли партии левой направленности. Так,

положение об отделении церкви от государства и школы от церкви было включено в программы Белорусской Социалистической Громады и Радикальной партии [2, с. 164, 167]. За «полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого» ратовала Партия Социалистов-Революционеров [2, с. 165]. Партия Свободомыслящих отстаивала «идеи и стремления общечеловѣческія» и полагала, что при их утверждении «не останется мѣста... для произвола чиновничества и насилія надъ совѣстью со стороны духовенства». Политическая программа партии в части «общегосударственного строя» предусматривала свободу совести «съ отдѣленіемъ церковей всѣхъ исповѣданій отъ государства», в части «судебной реформы» – признание обязательным только гражданского брака при том, что «религіозное освященіе брака должно быть предоставлено совѣсти и доброй волѣ каждого», в части «культурно-школьной программы» – «свободу школы отъ власти церкви» [2, с. 167-169].

Идеологию данного крыла политических сил разделяла и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (РСДРП). Ее программа, принятая еще в 1903 г., была ориентирована на замену самодержавия демократической республикой, конституция которой, в частности, обеспечивала бы «неограниченную свободу совести», «уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности», «отделение церкви от государства и школы от церкви», конфискацию монастырских и церковных имуществ [2, с. 159].

Обоснование программных положений РСДРП было предпринято в статье В. И. Ленина «Социализм и религия» (1905). По его убеждению, «религия должна быть объявлена частным делом», а «государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии...». «Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы, – писал он, – а «полное отделение церкви от государства – вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви» [4, с. 142-147].

В результате Февральской революции 1917 г. к власти приходит Временное правительство. Руководствуясь духом буржуазного демократизма, оно предприняло попытку модернизировать законодательство России в области религии. Позиция нового кабинета была во многом обусловлена его персональным составом: Временное правительство было образовано из представителей главным образом либеральных партий Государственной думы. В деятельности Временного правительства проявилась тенденция к созданию внеконфессионального

правового государства. Элементами церковной программы новой власти являлись, по воспоминаниям А. Карташова: а) свобода «религиозной совести», включая свободу пропаганды, для всех исповеданий; б) свобода соборного самоуправления для Православной Церкви; в) упразднение государственной опеки над церковью и некоторых привилегий православия «в смысле его полицейской защиты от сторонней пропаганды» [3, с. 373]. 3 марта 1917 г. правительство декларировало амнистию по «религиозным делам» и отмену всех вероисповедных ограничений [2, с. 215-216], 6 марта в его обращении к населению было заявлено о возвращении из ссылок и «заточения» пострадавших от старой власти за свои религиозные убеждения [2, с. 216-217]. Последующее постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта провозглашало социальное, экономическое и политическое равенство граждан независимо от вероисповедания [2, с. 220]. Коррективы были внесены в уголовно-административное законодательство. Были расширены права «инославного» и «иноверного» исповеданий в части богослужебной деятельности, учреждения религиозных учебных заведений и печатных изданий, строительства культовых зданий [7, с. 91].

Постановление Временного правительства от 14 июля «О свободе совести» впервые в истории России законодательно закрепило свободу граждан на самоопределение в отношении религии, декларируя право граждан на вневероисповедное состояние. Оно определяло, что пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не может преследоваться или ограничиваться в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры. Допускался переход (для достигших четырнадцатилетнего возраста) из одного исповедания в другое, а также признание себя не принадлежащим ни к какой вере. Ведение актов гражданского состояния лиц, не принадлежащих ни к какому вероисповеданию, было поручено органам местного самоуправления [2, с. 221-222]. Статус православия как «господствующей» религии данным постановлением не изменялся, но на его основе Министерство просвещения отменило обязательное изучение в школе «Закона Божьего».

Показательно, что реализация Постановления от 14 июля 1917 г. уже в скором времени обнажила реальную ситуацию в области религиозности населения. Одно из самых, на первый взгляд, парадоксальных следствий освобождения от обязательного исполнения обрядов и таинств церкви обнаружилось в воюющей российской армии. По отчетам армейского духовенства, процент солдат, записанных православными и соблюдавших таинство причащения, сократился со 100 % в 1916 г. до менее 10 % в 1917 г. [9, с. 295-296]. Изменялось и отношение к военным священникам, что нашло отражение в документах протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского. В письмах лета 1915 г. протопресвитер

отмечал, что подведомственное ему духовенство работает «выше похвалы» и что престиж его находится на «небывалой высоте» [6, с. 88]. В воспоминаниях Шавельского о событиях мая 1917 г. дается сущностно иная оценка: при посещении на фронте одного из Сибирских стрелковых полков его речь солдаты встретили крайне враждебно. «Разъяренная толпа, – пишет он, – чуть не растерзала меня. Я спасся, только благодаря старослужащим солдатам...». Командующий дивизии, где Шавельский должен был выступать на следующий день, прямо предупреждал протопресвитера: «Будьте осторожны в каждом слове, иначе я ни за что не ручаюсь!» [8, с. 277].

20 июля правительство объявило о передаче управления церковными школами, которые финансировались из государственного бюджета, Министерству народного просвещения, что вызвало негативную реакцию со стороны Православной Церкви. Предпринимались меры и по реорганизации церковного управления. 5 августа было создано Министерство исповеданий. Главной задачей этого министерства, которое возглавил видный историк церкви А. В. Карташов, стал надзор за соблюдением религиозного законодательства. Правительство, таким образом, отказалось от практики непосредственного вмешательства во внутрицерковные дела. «Новое революционное правительство, не миропомазанное Церковью (т. е. уже не «Милостию Божию», а «волею народа»), – писал Карташев в статье «Временное правительство и русская церковь» (1933), – не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях к Православной Церкви. Оно обязано было мыслить себя как власть только светскую, принципиально невероисповедную» [3, с. 369-388].

Что же касается самой Российской Православной Церкви, то она в результате мартовского отречения от престола Николая II, а затем и Михаила Романова, оказалась в новом для себя церковно-политическом положении, и в известной мере была дезориентирована. Еще недавно заявлявшая, что власть царская есть «Богом утвержденная», Церковь уже в Послании Синода от 9 марта 1917 г. заявила, что «свершилась воля Божья» и призвала всероссийскую паству «довериться» Временному правительству [2, с. 219]. Правовой статус Православной Церкви в новых политических условиях демократической России стал предметом рассмотрения Поместного собора, открывшегося 15 августа 1917 г. Его наиболее значимым решением стало восстановление патриаршества, первым Патриархом Московским постсинодального периода был избран Тихон.

Список использованных источников

1. Документы общероссийских партий и организаций либерального направления в Беларуси (1905-1918 гг.): хрестоматия ; учеб.-метод.

- пособие / авт.-сост. Д. С. Лавринович. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 344 с.
2. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах : пособие : в 4 ч. – Ч. 3: Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. / авт.-сост. В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова», 2015. – 260 с.
 3. Карташов, А. Временное правительство и русская церковь // Современные записки. – 1933. – № 52. – С. 369-388.
 4. Ленин, В. И. Полное Собрание Сочинений. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – Т. 12. – 576 с.
 5. Старостенко, В. В. Идея свободы совести в деятельности Конституционно-демократической партии России 1905-1906 гг. / В. В. Старостенко // Религия и общество – 10 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 79-82.
 6. Старостенко, Э. В. Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2016. – № 1. – С. 86-90.
 7. Христианство : Словарь / под общ. ред. Л. Н. Митрохина. – М. : Республика, 1994. – 559 с.
 8. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 томах / Г. Шавельский. – Т. 2. – Нью-Йорк, 1954. – 412 с.
 9. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700-1917) / В. А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 479 с.